

Услышав знакомое имя, Фу Нянь замер. Когда императора нужно было погрузить в глубокий сон с помощью успокаивающего лекарства, помимо охранников и Гунгуна должен был присутствовать ближайший к нему Теневой страж. В прошлом этим человеком всегда был Фу Нянь. Ни на одного другого Теневого стража никогда не возлагалась такая ответственность. Фу Нянь вспомнил Чу Яо. Он служил в особняка еще тогда, когда Чу Чжаои был Ванье. Он вспомнил, что Чу Яо был довольно опытным, хотя и не на одном уровне с ним. Он уже был исключительным членом Теневого гвардии, преданным, физически невредимым и с приятной внешностью. Император всегда благоволил ему, особенно после того, как Чу Чжаои вззошел на трон. Задача, которая раньше принадлежала Фу Няню, постепенно была передана Чу Яо. Как и ожидалось, после его ухода эта задача теперь легла на Чу Яо. Менее чем через мгновение Фу Нянь услышал слабые шаги на балках наверху. Хотя кто-то сделал всего шаг или два, прежде чем остановиться, ему все же удалось уловить звук. Их движения были настолько тяжелыми, что, если бы они пытались совершить убийство, их бы немедленно обнаружили. Хотя Фу Нянь не обернулся, он не мог не почувствовать некоторого презрения к навыкам коллеги-оперативника. Но Фу Нянь никак не ожидал, что после насмешек над другими он в конечном итоге вдохнет аромат успокаивающих благовоний, смешанных с успокаивающим зельем. Все кончено. Чтобы на него не подействовали успокаивающие благовония, ему нужно было заранее проглотить противоядие. Менее чем через мгновение Фу Нянь почувствовал, что его голова тяжелеет. Он быстро попытался сесть и жестом попросил Ли Гунгуна принести противоядие. Как только он приподнял верхнюю часть тела, он услышал тихий выговор.

- Лежи.

Фу Нянь хотел что-то сказать, но когда он открыл рот, не вышло ни звука. Он не мог снять маску с лица, и пока не мог снять ее руками. Кроме растущего беспокойства, Фу Нянь ничего не мог поделать. Чувство сонливости начало овладевать его телом. Фу Нянь попытался писать левой рукой, но когда он увидел отсутствие реакции со стороны Ли Гунгуна, он вспомнил, что Ли Гунгун обладал очень ограниченной грамотностью. В прошлом Фу Нянь даже помогал Ли Гунгуну с письмами. Теперь, написание чего-либо, вероятно, было бы сложно для Ли Гунгуна....

Фу Нянь чувствовал, что надо поспешить, но мог только позволить сонливости медленно поглотить его сознание. В конце концов, если бы эти чиновники увидели его спящим, они, вероятно, приписали бы это аромату и вынесли бы его из зала. Даже если бы это было неловко, по крайней мере, он не опозорился бы перед императором. При этой мысли Фу Нянь почувствовал некоторое облегчение. Когда сонливость полностью окутала его, Фу Нянь все еще сохранял выражение отвращения по отношению к мужчине, стоявшему перед ним. Однако с закрытыми глазами Фу Нянь не видел, как бессознательно и знакомо уткнулся носом в знакомую шею мужчины, свернулся калачиком, как послушная собака, молча прижался к своему хозяину и погрузился в глубокий сон. Фу Нянь обладал сильной устойчивостью к наркотикам и ядам. Хотя он и не мог сопротивляться воздействию успокаивающих благовоний, это в лучшем случае заставило бы его заснуть на полчаса. Когда время истекло, Фу Нянь постепенно пришел в сознание. Охранники вокруг него сменились, а Ли Гунгун все еще молча стоял у кровати. Новая чаша с лекарством была небрежно оставлена на столе, и ее еще предстояло убрать. Фу Нянь подумал про себя, что на этот раз он, должно быть, спал как убитый. Он даже не заметил переполоха дворцовых служанок, пришедших дать лекарство Чу Чжаои. Действительно, его профессионализм резко упал с тех пор, как он покинул дворец. Вдохнув про себя, Фу Нянь попытался слегка приподняться, только чтобы осознать нечто необычное. Он вспомнил, что, засыпая, он сохранял позу, в которой его правая рука слегка

покоилась на плече Чу Чжаои. Но, проснувшись, Фу Нянь понял, что его лицо почти прижато к талии Чу Чжаои. Кроме того, одежда Чу Чжаои уже была расстегнута...От чрезмерно жаркого воздуха у Фу Няня зашипало кожу головы. Он хотел поднять голову, но понял, что чья-то рука обвилась вокруг его шеи, удобно удерживая голову. С трудом оторвав взгляд от изгиба руки, Фу Нянь обнаружил, что мужчина перед ним не подает никаких признаков пробуждения, и внезапно понял....

Верно, в прошлом, когда их отношения были достаточно хороши, чтобы делить постель, казалось, что у него развилась мышечная память о том, как он прижимался носом к руке Чу Чжаои. Даже если бы они поссорились прошлой ночью, пока они спали на одной кровати, Фу Нянь проснулся бы на следующее утро и обнаружил, что свернулся калачиком рядом с Чу Чжаои. Итак, после этого, если накануне вечером возникали разногласия, Фу Нянь сознательно спал на полу, ждал снаружи комнаты или забирался на стропила. Но он никак не ожидал, что эта привычка из его прошлой жизни сохранится в настоящем. Фу Нянь вздохнул и попытался пошевелиться, но ему следовало быть осторожнее, чтобы не потревожить Гунгуна рядом с собой. Простой простолудин, не сумевший вылечить болезнь Его Величества, и теперь застрявший в объятиях Его Величества – можно представить, что за эту ошибку отрубят десять голов. Пока Фу Нянь размышлял, он попытался незаметно повернуть голову. Он не хотел умирать такой жалкой смертью. Однако на этот раз Фу Нянь понятия не имел, как ему удалось прижаться носом к руке Чу Чжаои. Он не мог наклонить голову настолько, чтобы освободиться от руки, прижимающейся к его шее. Если бы он пошевелил Чу Чжаои, это определенно насторожило бы его. Оказавшись перед дилеммой, Фу Нянь тихо откашлялся, услышав слабый хриплый звук. Хотя действие лекарства еще не полностью прошло, он должен быть в состоянии говорить. И ему нужно было обратиться за помощью к человеку поблизости...Он не мог просто сказать Гунгуну: «Извините, вы не могли бы помочь? Кажется, я застрял в объятиях Его Величества».

<http://bllate.org/book/13089/1156927>